

С.В. Веджвуд

ЖЕРТВА ВЕЛИКОГО МЯТЕЖА
СУД НАД МОНАРХОМ И ЕГО СМЕРТЬ

КАЗНЬ

1647—1649

КОРОЛЯ КАРЛА I



Сесили Веджвуд

**Казнь короля Карла I. Жертва
Великого мятежа: суд над
монархом и его смерть. 1647–1649**

«Центрполиграф»

1964

УДК 94(420).06
ББК 63.3(0)

Веджвуд С. В.

Казнь короля Карла I. Жертва Великого мятежа: суд над монархом и его смерть. 1647–1649 / С. В. Веджвуд — «Центрполиграф», 1964

ISBN 978-5-9524-6171-0

Настоящая книга английского историка С.В. Веджвуд о завершении правления Карла I повествует о самых драматических событиях в истории Англии XVII века — о судебном процессе над королем и его казни, последовавшими в результате захвата власти пуританской армией под командованием Оливера Кромвеля. Автор показывает противостояние королевской и парламентской властей на суде, политическое столкновение монаршей фанатической убежденности в своей правоте и борьбы мятежников за английский народ, что для восстановления мира на Британских островах привело к единственному решению — отрубить Карлу голову. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(420).06
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9524-6171-0

© Веджвуд С. В., 1964
© Центрполиграф, 1964

Содержание

Предисловие	8
Введение	12
Глава 1	16
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Веджвуд Сесили Вероника
Казнь короля Карла I. Жертва
Великого мятежа: суд над
монархом и его смерть. 1647—1649**

Посвящаю Элизабет Кэмерон



C.V. Wedgwood
A COFFIN FOR KING CHARLES
The Trial and Execution of Charles I
1647–1649



Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2024

Предисловие

Если не считать короткого диалога с палачом на тему практической организации – высота плахи, время нанесения удара, – последним словом, произнесенным Карлом I, было: «Запомните!» Епископ Джаксон, которому был адресован этот наказ, едва ли нуждался в напоминании не забывать первую официальную казнь правящего монарха – событие, которое приведет в ужас всю Европу. Мы можем предположить, что Карл заглядывал уже во времена после Джексона и после всего происходящего. Позднее это слово «Запомните!» стало частью благочестивого инструментария культа Стюартов, но само дело давно уже растворилось в туманах сентиментальности. В наше время есть ли что-нибудь, что стоит вспоминать об этом судебном процессе и казни поколению, которое считает утверждение, что он правил, имея на то божественное право, чистым суеверием и невыносимым высокомерием?

Великолепная реконструкция событий Сесили Вероники Веджвуд вынуждает дать ответ «да». Г-жа Веджвуд, родившаяся в 1910 г., – одна из самых уважаемых и популярных историков. Она скрупулезно профессиональна, тщательно документирует детали, и ее тон объективен. На ее стороне Атлантики большая часть историков продолжают традицию литературного мастерства, не смешанного с педантизмом. Когда она не знает, что происходит, то ничего не придумывает. Когда мотивы неясны или двусмысленны, она так и пишет. Но не позволяет сомнениям или профессиональным разногласиям вставать на пути своего рассказа.

В двух ее предыдущих книгах о правлении Карла I она работала над картиной, широкой и во времени, и в пространстве. Книга «Казнь короля Карла I» четко сфокусирована на судебном процессе и казни, и такое сжатие исторических событий выдвигает дополнительные требования и к ее профессиональной эрудиции, и к ее мастерству автора драматического повествования. То, как она справилась с этим двойным вызовом, было резюмировано английским историком Дж. Х. Пламбом в удивительно емкой фразе: «Это самый лучший рассказ о судебном процессе, который когда-либо был написан».

И хотя г-жа Веджвуд избегает всякого искушения сентиментально описывать или идеализировать Карла Стюарта, она позаботилась, чтобы ни один человек, читающий книгу, не забыл о ее главном герое. Карл не просто вызывает жалость как пассивная жертва безликих исторических сил. В своих предыдущих книгах – «Мир короля Карла I» и «Война короля Карла I» – автор дала понять, что падению Карла способствовали его недостатки как человека и как правителя. Он не отвергал политическую игру. Он играл своими картами власти, покровительства, умиротворения, обмана, интриг и гражданской войны, и играл плохо. В начале этой книги Карл изображен пленником на острове Уайт, находящимся в руках людей, которым, как он знал, нельзя доверять точно так же, как они не могли доверять ему. Его провал был неизбежен.

Когда долгая борьба практически закончилась, когда ни один меч в трех его королевствах или в Европе уже никогда не мог быть вынут из ножен для его защиты, он в свои последние дни жизни возвысился до нравственного величия. Он погубил своих друзей, чуть не погубил свое королевство и должен был лишиться головы. Тем не менее он не проиграл в своем последнем противостоянии своим самозванным судьям. Их целью было убить его по закону. Но он помешал их планам своим неожиданным красноречием, мудрым и пророческим пониманием глубочайших и запутанных вопросов конституции. В каком-то смысле он смотрел дальше вперед – и глубже, – чем те люди, которые его победили.

Будет грубой неточностью при обращении с историей думать, что казнь Карла опустила занавес за «средневековым абсолютизмом». Генрих VII, Генрих VIII и Елизавета I начали эволюционировать в направлении сильно централизованного современного государства. Расширение ими монарших возможностей было достигнуто в меньшей степени путем посягательства на права подданных, а в большей – путем приращения власти, рожденной на начальном этапе

современных способов организации. Генрих VII сделал возможным, Генрих VIII стал проводником, а Елизавета I укрепила такое беспрецедентное национальное решение, как разрыв с Римом и основание англиканской церкви. В расширенной сфере политических действий, унаследованной Стюартами, никто точно не знал, где проходят границы политического права и ответственности. Когда отец Карла Яков I сформулировал идею, что власть короля происходит от Бога, то не был самонадеянным; в средневековом контексте божественная кара использовалась и как предостережение от царствования, определяемого личными капризами, и как укрепление с целью защиты от ненадежности и неэффективности феодальной политики. Но в новых обстоятельствах «божественное право» имело другое значение. Власть, которая перешла от Тюдоров к Стюартам (хоть и ограниченная по сравнению с полномочиями, осуществляемыми государствами в XX в.), казалась тиранической и «абсолютной» людям в веке XVII. Ни один средневековый правитель Англии из династии Плантагенетов не имел таких денег, бюрократического аппарата, частной финансовой поддержки, церковной и пропагандистской власти, какие были в распоряжении Стюартов.

Так как мир пришел в движение и общество стало более нестабильным, вопрос о высшей власти стал гораздо более важным, чем во времена Плантагенетов. В эпоху Генриха VIII политики произвели коренную ломку церковного истеблишмента; теперь из политических соображений назревала другая революция. Тюдоры и раньше вмешивались с целью ускорить передачу власти и престижа среди слоев общества; это тоже, очевидно, можно было снова делать. Начиналась новая и опасная игра. Каковы были ее правила и границы? Какова была ее философская основа?

Эти вопросы впервые возникли во время Английской гражданской войны и все еще терзают западную цивилизацию, в то время как границы того, что может делать правительство – во благо или во зло, – продолжают расширяться.

Многие считают, что великий противник Карла Оливер Кромвель двигался к решению этих проблем. Но трудно приписывать Кромвелю сколько-нибудь позитивный вклад в развитие конституции.

Его взгляд на место религии в политике, например, был значительно примитивнее, опаснее и более случайным, чем взгляды короля. По-видимому, едва ли Кромвель сознавал, что победа в гражданской войне произошла во многом благодаря его собственному талантливому ведению мирских дел – формированию армии и особенно при командовании кавалерией. Была ли это скромность – или наоборот, – которая заставляла Кромвеля приписывать свои победы руке Господней? Он истолковывал девиз своей Армии нового образца «С нами Бог» не как молитву о божественной помощи, а как утверждение, что Бог фактически руководил всеми маневрами. Когда обеспокоенный родственник Кромвеля Хэммонд, который охранял находившегося в заключении короля, спросил, не следует ли передать пленника на отпущение армии, Кромвель ответил доводом, от которого волосы вставали дыбом, что поражение роялистов было верным признаком того, что Бог покинул короля. Он называл короля – «этот человек, против которого свидетельствовал Господь». Очевидно, Кромвель верил в средневековый (или досредневековый) принцип «испытания битвой» как в проверку на правду и справедливость; эта идея оказалась гораздо более опасной в современном мире, чем была в феодальном обществе. По сравнению с почти голословным утверждением, что в силе правда, версия короля о «божественном праве» кажется просто устаревшим способом отстаивать этическую и юридическую основу политических действий.

И не Кромвель, а Джон Лилберн, возглавлявший «левеллеров», освоил путь к новой конституционной основе. Его программа стояла за новый парламент, избранный с помощью гораздо более широкого избирательного права, за свободу вероисповедания, отмену торговых привилегий и судебную реформу. Лилберн яростно выступал против намерения Кромвеля и его соратников-индепендентов предать короля суду. Фактически, как повествует г-жа Веджвуд,

фракция Кромвеля была полна решимости казнить короля главным образом потому, что этот символический революционный акт удовлетворил бы то недовольство, которое в противном случае могло быть обращено против более фундаментальных и более далеко идущих конституционных изменений, которых добивались «уравнители» Лилберна.

Вместо создания новой базы для верховенства закона армия оккупировала Лондон. Вместо избрания нового парламента на более широкой основе армия, используя неприкрытую военную силу, очистила палату общин, арестовав членов умеренной партии пресвитерианцев, которые выступали против плана устроить суд над королем. Чтобы действовать по закону, Кромвель нуждался в согласии палаты лордов. И хотя на заседаниях палаты лордов главенствовали люди, поставившие на кон свои земли и жизни в борьбе с королем, лорды отказались одобрить план суда над пленным королем. Суд, назначенный марионетками из оставшихся представителей палаты общин, имел так мало общего с законностью, что многие выбранные судьи отказались в нем участвовать.

Командующий армией лорд Ферфакс был в числе тех, кто не стал судить короля. Он до последнего верил – или делал вид, что верит, – что Кромвель и его полковники лишь оказывают давление на короля. Ферфакс просто умыл руки в этом деле. Когда на заседании суда его председатель сказал, что суд действует от имени народа Англии, женщина в маске на галерке крикнула: «Ни от половины, ни от четверти народа Англии! Оливер Кромвель предатель!» Этот голос принадлежал леди Ферфакс, жене командующего войском Кромвеля.

От чьего же имени и по какому праву действовал суд? На этом пункте и сосредоточилась ответная атака короля. Было известно, что король испытывает затруднения в речи, и поэтому никто не ожидал, что он будет активно вмешиваться в судебный процесс над собой же. У него не было адвоката, но он сказал: «Я разбираюсь в законе так же, как и любой джентльмен в Англии» – и доказал это. Он ни разу не попал в ловушку, пытаясь опровергнуть обвинения по существу, выдвинутые против него, а просто отрицал юрисдикцию суда и под свой отказ подвел такие общие основания: «Именно свободу народа Англии я и отстаиваю». Он утверждал, что если незаконный суд судит *его*, короля, то ни один подданный не будет в безопасности перед произволом правительства. Когда ему сказали признать, что он находится «перед судом правосудия», Карл ответил, криво усмехнувшись: «Я вижу, что передо мной сила».

Кто-то из отобранных судей заколебался, но Кромвель и еще 58 человек подписали смертный приговор, переданный трем офицерам – один из них, подполковник Геркулес Ханкс, сомневался в законности суда, – которые в последний момент ненадолго задержали казнь.

Король был по-своему так же религиозен, как и Оливер Кромвель, и легенда о его праведных приготовлениях к смерти – не выдумка сторонников Стюарта. Он считал, что его казнь – это божественное наказание за его слабость, когда задолго до этого он дал свое молчаливое согласие на требование парламента казнить своего министра – графа Страффорда. Представление Карла о «божественном праве» не исключало чувство его собственной погрешимости.

Сцена прощания короля со своими двумя младшими детьми нигде не была описана лучше, чем в сдержанном тексте мисс Веджвуд. Его тринадцатилетняя дочь Елизавета написала, что он сказал ей, что «простил всех своих врагов и надеется, что и Бог простит их, и велел нам и всем остальным моим братьям и сестрам простить их». И в конце добавила: «Потом он наказал нам всем простить этих людей, но никогда не доверять им».

Эту последнюю мысль он высказал более четко восьмилетнему герцогу Глостеру. Посадив своего самого младшего сына себе на колени, король сказал: «Они отрубят мне голову и, наверное, сделают тебя королем, но помни, что я тебе говорю: ты не должен быть королем, пока живы твои братья Карл и Яков, потому что они отрубят голову твоим братьям (когда схватят их), да и тебе тоже в конце концов. Поэтому я заклинаю тебя: не позволяй им сделать себя королем». Мальчик твердо ответил: «Сначала меня разорвут на куски».

Как пишет выдающийся историк А.Л. Роуз в введении к этой книге, гражданская война была борьбой за власть. Но еще больше она была борьбой за ограничения и этическую основу власти. Когда король готовился к смерти, его несостоятельность повлияла на развитие «должного процесса», в понимание того, что в политике есть нечто большее, чем элементарные целесообразность, возможность и воля сильнейшего.

Карл просто не знал, как изменить – не уничтожая – конституцию государства, которое он унаследовал. Те, кто живет тремястами годами позже, извлекают выгоду из некоторого, но, наверное, недостаточного прогресса в этом вопросе.

Введение

Суд над Карлом I и его казнь являются самыми драматическими событиями в истории Англии. Г-жа Веджвуд представляет нам драму со всей лаконичностью, которая производит еще более сильное впечатление своей сдержанностью, и с тем редчайшим шекспировским качеством – полной справедливостью разума. Ее история читается как драма.

Кратко упомяну, что предшествовало освещаемому событию, и расскажу, что стало его следствием.

Люди, попавшие в цепь исторических сил, часто не знают, что с ними происходит. И лишь когда человек оглядывается на события, которые историк может иногда разъяснить, то получает возможность увидеть, к чему они почти неизбежно вели. С его помощью мы можем проследить, как все шло шаг за шагом, хотя *почему* это произошло, может оставаться для нас загадкой.

Казнь короля и захват власти пуританской армией под командованием Оливера Кромвеля – вопреки желаниям огромного большинства народа трех королевств: Англии, Шотландии и Ирландии – были наивысшей точкой в цепи событий, которые двигали происходящее вперед в течение предшествующих пятидесяти лет или даже больше.

С того времени, когда первый из шотландских Стюартов, Яков I, унаследовал английский трон в 1603 г. после смерти последней из Тюдоров, Елизаветы I, было очевидно, что власть монархии уменьшается по сравнению с властью классов, представленных в парламенте. Процесс уступки власти шел уже давно, но был отчасти скрыт за политическими победами и продолжительным правлением старой королевы.

Тем не менее под внешней оболочкой общества происходил сдвиг. Мелкопоместное дворянство и средние классы, ставшие экономически более могущественными и политически более зрелыми, чем когда-либо раньше, требовали большую долю власти. Они хотели добиться своего – а не того, чего желала корона, – и в политике, и в религии. Они хотели власти и были полны решимости ее получить. Разве они не самые сильные, самые сознательные ведущие части нации? Парламент был их политическим органом, институтом, сосредоточием и выражением их власти; и теперь он стал представителем правящих элементов в английском обществе больше, чем была королевская власть при Карле I.

Карл I оказался в ловушке этого изменившегося баланса общественных сил. Но король, будучи одновременно и упрямым, и слабым, не хотел сдаваться. Его упрямство, проистекавшее из комплекса неполноценности, выражалось в настойчивом утверждении своего божественного права на власть, как у его бабушки Марии Стюарт и его сына Якова II. Карл так и не принял условия политической власти. Когда неодолимая сила подходит к неподвижному препятствию, как в хорошо известной фразе, что-то должно сломаться. Именно так и началась гражданская война в Англии.

Книга мисс Веджвуд ограничивается судом и казнью короля, и было бы неправильно и неуместно описывать в ней борьбу за власть. То, что автор прекрасно разбирается в подоплеке конфликта, совершенно очевидно из пролога. Она пишет, что требования противников короля, чтобы он передал им контроль над армией и церковью и позволил им принимать участие в назначении министров, превратили бы парламент из совещательного органа – каким он всегда и был на практике – в руководящую власть народа, которой он всегда стремился стать. Король остался бы уважаемым номинальным руководителем, но реальную власть – гражданскую, военную и церковную – стали бы осуществлять мелкопоместное дворянство, правоведы и купцы из палаты общин, поддерживаемые богатствами и земельными интересами лордов.

Люди, попавшие в такую ловушку событий взаимосвязанных сил, в такой крутой политической оборот, идут, спотыкаясь, как только могут, но вслепую, не зная, куда их занесет.

Граф Кларендон, участник этих событий, пишет в своей огромной «Истории восстания»: «Так много чудесных обстоятельств способствовали его [короля] гибели, что люди вполне могли подумать, что она была предопределена небесами, землей и звездами».

Всегда есть чувство неизбежного в тех сотрясающих землю сдвигах в обществе, известных как революции. Возьмем дело короля Карла I в начале гражданской войны (и дело Людовика XVI в начале Французской революции): никто не имел намерений свергнуть короля, не говоря уже о том, чтобы его убить. Они просто хотели отобрать власть у него и его сторонников.

Когда монархия – краеугольный камень общества – подвергается встряске, то за этим следует хаос. Достоинством предыдущих книг мисс Веджвуд об эпохе Карла I и Кромвеля «Мир короля Карла I» и «Война короля Карла I» является то, что она дает нам ощущение непосредственности происходящего: все разваливается на части, фракции, и партии вступают в борьбу друг с другом во всех уголках трех королевств, связи разорваны, конституционный и законный глава общества теряет контроль надо всем, и, в конечном счете, верх берет сила. Когда сражения закончились и армия Кромвеля победила в гражданской войне, Кромвель по-прежнему оказался лицом к лицу с королем, который и не собирался уступать. Карл I, как и все пуритане, был убежден, что Бог на его стороне: ранее люди были склонны так думать, когда на карту поставлено их *raison d'être*¹.

В конце концов в лице Оливера Кромвеля Карл столкнулся с человеком настолько же энергичным, насколько он сам был упрямым. Между строк книги мисс Веджвуд можно уловить, какой политической хваткой, каким нюхом на власть обладал Кромвель. В ходе долгих и запутанных переговоров, проведенных с королем, Кромвель пришел к убеждению, что, пока король жив, никакой мир не будет надежным. Интриги Карла привели к второй гражданской войне, из которой Кромвель вышел как бесспорный военный гений, нанеся поражение шотландской армии, втрое превосходившей по численности его собственную. За решение Карла снова начать военные действия пуританская армия прозвала его «кровавым» и призвала к ответу. Сам Карл не признавал свою ответственность и не испытывал угрызений совести: разве он не монарх этих королевств по божественному праву, разве не его религиозный долг «восстанавливать любыми средствами утраченную власть»? Возможно, единственное, что оставалось Кромвелю, – отрубить королю голову.

Очевидно, Карл не понимал английский народ и, безусловно, не понимал мятежников – людей вроде Джона Пима, Джона Хэмпдена, Оливера Кромвеля, Джона Мильтона и Роберта Блейка. И в противоположность Тюдорам не разделял чувства своего народа во время кризиса, с которым народу пришлось столкнуться. Мисс Веджвуд не останавливается на этом моменте, но на самом деле у Карла было очень мало английской крови: со стороны своего отца он был франко-шотландцем, а со стороны матери – германо-датчанином. Возможно, одним из мотивов убийства его фаворита – герцога Бекингемского – было внутреннее отчуждение его от народа, которым он правил, и это можно было понять, если так оно и было. В своем наброске характера короля Кларендон проливает дополнительный свет на Карла: «Он всегда был неумеренным поклонником шотландского народа, так как не только родился в Шотландии, но и был воспитан этими людьми, и всегда был осаждаем ими, имея среди приближенных немного англичан до тех пор, пока не стал королем; и большинство его слуг все равно были шотландцами, которые, как он думал, никогда не подведут его».

После судебного процесса над Карлом и его казни Кромвель захватил власть, но лишь для того, чтобы оказаться подвергнутым во многом такому же неизбежному давлению со стороны разных сил, под каким до него находился и король. Годы своего впечатляющего и умелого правления Кромвель провел, решая неразрешимую задачу квадратуры круга, то есть он завоевал власть мечом; фундаментом его власти была армия; он хотел сделать свою власть консти-

¹ Право на существование (*фр.*). (Здесь и далее примеч. пер., если не отмечено отдельно.)

туционной, принятой народом, но не мог. По сути, его власть была военной диктатурой. По своей природе она могла быть только временной. В конце он правил против воли трех четвертей естественных руководящих элементов английского народа (не говоря уже о шотландцах и ирландцах) – всей роялистской партии, англиканской церкви, пресвитерианцев, парламентариев, католиков, знати и нетитулованного мелкопоместного дворянства. Вероятно, Оливеру повезло умереть в возрасте 58 лет в 1658 г. В течение двадцати месяцев монархия была восстановлена, к огромной радости народа, в лице сына Карла I – молодого Карла II.

Была ли гражданская война напрасной – все эти тысячи потерянных жизней; все это уничтожение произведений искусства в соборах и церквях; разбитые витражи и скульптурные памятники; разграбленные великолепные дворцы и особняки; утраченные и сожженные архивы; королевские картины – величайшая коллекция в Европе, – проданные на континент? Большая часть полотен Тициана в Лувре и полотно Тинторетто в Прадо перекочевали туда из дворцов Карла I; средневековые гобелены, которые висели в хорах Кентерберийского собора, сейчас находятся в Экс-ан-Прованс. Этот аспект гражданской войны недостаточно оценен. Я хотел, чтобы кто-нибудь провел такое исследование, которое отличалось бы от работ, которые сосредоточены на взаимно исключающих мнениях главных героев. Эта тема представила бы печальный интерес для бедного короля Карла, так как самое лучшее, что было в нем, – это то, что он был страстным эстетом, глубоко откликавшимся на произведения искусства, человеком изысканной и утонченной чувствительности.

Гражданская война не была совсем напрасной. Когда в 1660 г. монархия была восстановлена, стало понятно, что парламент, то есть представленные в нем классы, должны получить долю власти. Это был разумный компромисс, к которому пришли еще в 1641 г. до начала гражданской войны. Но в то время было предельно ясно, что Карл не будет придерживаться этого компромисса; парламент не мог ему доверять и вторгся в сферу его исключительных прав революционным путем, чтобы отнять у него власть. Мисс Веджвуд права, когда пишет, что «история в целом была на его стороне». Но мы можем заключить: что если прошлое было за королем, то будущее – за парламентом.

Суд над королем и его казнь были, наверное, самым драматическим противостоянием в истории Англии. Мисс Веджвуд молодец, что дала возможность этой явной драме говорить самой за себя. В этом спектакле доминирующую роль играл Карл: ничто в его жизни так не соответствовало ему, как эти последние сцены. Его роль в сложных политических процессах, которые он никогда не был в состоянии контролировать, наконец прояснилась. Будучи маленьким человеком, он, однако, всегда сохранял надменное королевское достоинство. Недаром он был большим поклонником и внимательным читателем Шекспира: король знал, как сыграть свою роль.

Кромвель тоже знал, как играть свою роль. И хотя он был движущей силой в этой трагедии, держался довольно скромно, в тени. Как сказал король, из шестидесяти или около того людей, уполномоченных судить его, он знал в лицо не более восьми. Он прекрасно опознал Кромвеля: краснолицый, ширококостный сквайр из Восточной Англии с энергичным характером, носящим оттенок религиозной истерии, и поздно обретенным талантом военного лидера. Оливер – добросердечный человек, как думал Карл – «самый жестокосердный человек на земле». В этом что-то было, так как, хотя Карл и был мягок в кругу своей семьи и добр к слугам и зависимым от него людям, он был воспитан в вере в то, что существует «божество, [которое] ограждает короля», что он выше простых смертных.

Карл I умер с этой верой, с которой жил: пройдя свой одинокий путь к эшафоту с убежденностью сомнамбулы, являясь одновременно актером, превращающим свои личные страдания в мученичество за свое дело, и тем самым подготавливая путь к окончательному возвращению монархии. Именно эту личную выдержку короля его современники не смогли забыть, которую в своих знаменитых строчках выразил поэт-республиканец Марвелл:

На тех мостках он ничего
Не сделал, что могло б его
Унизить – лишь блистали
Глаза острее стали.
Он в гневе не пенял богам,
Что гибнет без вины, и сам,
Как на постель, без страха
Возлег главой на плаху.

(перевод М.И. Фрейдкина)
А.Л. Роуз²

² Альфред Лесли Роуз – выдающийся английский историк и писатель, член совета Колледжа Всех Душ в Оксфорде. Он опубликовал более 20 книг по литературе и политике, а также несколько томов стихов и автобиографию «Детство в Корнуолле». Среди его главных трудов книги «Экспансия елизаветинской Англии», «Вильям Шекспир: биография», «Кристофер Марлоу: биография» и «Шекспировский Саутгемптон: покровитель Вирджинии». *(Примеч. авт.)*

Глава 1

Пролог

Суд над королем Карлом I и его казнь поразили всю Европу в 1649 г. С того момента монархи умирали по народному постановлению в более бурных и имеющих далеко идущие последствия революциях, и идея монархии, ради которой король Карл жил и умер, исчезла на земле. Там, где этот институт сохранился в наши дни, он существует в форме, которую не признал бы.

Потрясающие события, произошедшие в Англии зимой 1648/49 г., стали предвестниками грядущих событий. Королей и раньше убивали, они становились жертвами заговоров, их свергали, зверски расправлялись с ними. Бабушка Карла I Мария, королева Шотландская, предстала перед судом и была казнена, но не тогда, когда она была правящей королевой, не в своей стране и не руками своих подданных. К этому времени она уже давно была низложена с трона Шотландии, находилась в заточении в Англии и была осуждена и приговорена своими тюремщиками.

Король Карл был привлечен к суду собственным народом, когда обладал титулом короля, – и это было деяние, которое бросило вызов традиции, и многим показалось страшным богохульством в отношении монарха, назначенного Богом. Один роялист написал накануне суда: «Доселе никогда еще такого ужасного события не происходило в мире, так как личность монарха всегда считалась священной... даже среди самых варварских народов; и хотя во многих королевствах к ним применяли силу оружия и иногда... свергали, а потом по-тихому убивали, тем не менее в истории мы не найдем аналога тому, что гнев мятежников дошел до того, что они привлекли к общественному суду своего суверенного владыку и казнили его, что противоречит закону природы, обычаю народов и священным писаниям... Какой суд будет судить их короля? Кто будет ему равным? Кто будет выносить приговор? Чьи глаза осмелятся быть настолько нечестивыми, чтобы взирать на казнь? Чья рука протянется, чтобы нанести удар помазаннику Божьему, и не отсохнет, как рука Иеровоама, когда он поднял ее на миропомазанного пророка?»

Через несколько недель были даны ответы на все эти вопросы. Нашлись люди для того, чтобы и судить, и выносить приговор, и отрубить голову королю. Карл так и не был свергнут. В обвинительном приговоре его называют «королем Англии», и в ордере на казнь он по-прежнему значится как «король Англии». Последними словами палача, произнесенными без всякой иронии, когда король положил свою голову на плаху, были: «Соблаговолите, ваше величество». Те, кто судили его, наносили удар не только по человеку, но и по его высокой должности. По словам Джона Кука, который в качестве генерального прокурора поддерживал обвинение против короля, они «вынесли приговор не только тирану, но и самой тирании». Король согрешил, будучи королем, и как король он заплатил за это. Определенные смелые и последовательные принципы вдохновляли убийц короля на такое деяние.

В других отношениях суд над королем был поспешным и непродуманным средством достижения цели. Потому что король должен был умереть. Как сказал Оливер Кромвель в своей сбивчивой и непонятной речи в защиту действий палаты общин, «провидение и необходимость вынудили их сделать это». Смерть короля не входила в изначальные цели гражданской войны, начавшейся между королем и парламентом в 1642 г. Тогда его противники заявляли, что хотят лишь сохранить его честь и безопасность при условии, что его методы управления страной претерпят изменения. Шесть лет спустя по логике событий – «провидения и необходимости», о которых говорил Кромвель, проблему могла решить только его смерть. Как же это случилось?

Когда летом 1642 г. Карл, с одной стороны, и парламентские лидеры – с другой начали собирать войска, чтобы воевать, противники короля считали, что как только они одержат победу на поле боя, он выполнит все их требования. Они хотели, чтобы он советовался с ними при назначении министров и передал контроль за вооруженными силами в их руки. Они также хотели, чтобы он реформировал церковь, упразднив епископов, и сделал парламент арбитром в церковных делах. Эти уступки превратили бы парламент из совещательного органа, каким он всегда был на практике, в правящую силу в государстве, к чему он давно уже стремился. Король должен был остаться пользующимся уважением номинальным главой, но реальную власть – гражданскую, военную, церковную – должны были осуществлять мелкопоместное дворянство, юристы и торговцы палаты общин, поддерживаемые богатством и земельными интересами лордов.

Противники короля полагали, что как только его войска потерпят поражение, он примет их условия как цену мира и своей собственной свободы. Они ошиблись. Потерпев поражение, лишившись власти и став пленником, Карл продолжал противиться их требованиям. Он верил, что Бог дал ему высшую власть в королевстве, – а так как его предшественники-Тюдоры осуществляли такую власть, то можно добавить, что история была целиком на его стороне. Так как он был убежден, что политическая власть монархии была установлена свыше, он полагал, что совершит смертельный грех, если откажется от какой-либо ее части. Он был скорее готов рискнуть своими свободой и жизнью (а также жизнью своих многочисленных подданных), чем позволить ослабнуть священной власти монарха. То, что он получил от Бога, должен был в целостности передать своему сыну.

Он был не только смелым человеком, но и скрытным и нечестным. Он пытался выиграть время уклончивостью, притворяясь, что уступает. В обстоятельствах, в которых оказался, он был лишен власти и связи с друзьями, находился в заточении – это было довольно естественно. Но его постоянные отсрочки в достижении соглашения, попытки вызвать разногласия среди своих противников, собрать новых союзников в стране и за рубежом и разжечь вторую войну приводили в ярость его врагов. Тем временем страна, не имея какого-либо общепринятого правительства, соскальзывала в анархию. Весной 1648 г. тайные замыслы короля бурно вышли на свет Божий с началом новой войны. Армия вторглась из Шотландии, и начались восстания в Южном Уэльсе, Кенте, Восточной Англии и на Севере. После долгого лета боев роялисты везде потерпели поражение.

Вспышка новой войны убедила наиболее жестких противников короля в том, что никакой мир невозможен, пока он жив. Прежде чем отправиться на подавление роялистов, многие главные военачальники армии сторонников парламента провели трехдневное собрание, чтобы помолиться и посоветоваться. По окончании этих трех дней они торжественно «обвинили кровавого Карла Стюарта в пролитой им крови и причиненном зле делу Господа и несчастному народу этой страны».

Король понимал, какая опасность ему грозит. С самого начала своего заключения он с неизменным спокойствием осознавал возможность быть убитым – тайно доведенным до смерти, возможно, за стенами своей тюрьмы. Но некоторые его противники – самые лучшие из них – были мужественными людьми с высокими принципами. Тайное убийство вызывало у них отвращение. Они тоже считали, что Бог на их стороне и что нечестивый король – это приемлемая жертва. Поэтому осмелились открыто судить его и публично казнить. Они проигнорировали теорию Божественного права, потому что видели в священных книгах мало того, что говорило бы в его поддержку, и много того, что ему противоречило. Для них, как и для короля, религия и политика были тесно связаны. Они ссылались на Библию для поддержки своих действий, но и также заявляли, что власть народа выше власти монарха, и пытались показать, что король, как и любой другой человек, может быть подвергнут суду согласно общему праву Англии. По мнению многих современников, они бросили вызов Божьей мести актом беспри-

мерного богохульства. Но по мнению некоторых (предположительно, меньшинства), они действовали справедливо и угодно Богу.

20 ноября 1648 г. армия пуритан – армия Кромвеля – изложила в палате общин свое требование, чтобы король предстал перед судом. 30 января следующего года ему отрубили голову на плахе, сооруженной на общедоступной улице под окнами его собственного Банкетинг-Хауса, дворца Уайтхолл.

Цель этой книги – описать события тех десяти недель. В течение этого времени армия из 40 000 человек, возглавляемая группой решительных офицеров (главными из них был Оливер Кромвель и его зять Генри Айртон), взяла в свои руки реальное управление страной, провела чистку парламента и стала им манипулировать, создала необходимые революционные процедуры для проведения суда над королем, подавляя при этом другие революционные шаги, не отвечавшие ее целям, вывела короля на суд в Вестминстер-Холле, в нарушение почти всех юридических заключений обеспечила 59 подписей под его смертным приговором, нашла палача для приведения приговора в исполнение и, наконец, провозгласила Англию республикой.

Последовательность событий – своеобразная и захватывающая, главные действующие лица обеих сторон – это спокойный и одинокий король, грозный Кромвель с солдатами-фанатиками под его командованием, Джон Брэдшоу и Джон Кук – двое юристов, взявших на себя ответственность одному быть его судьей, а другому – главным обвинителем. Для роялистов смерть короля стала самым мрачным деянием в истории человечества со времен распятия Христа, чудовищным преступлением, совершенным шайкой злодеев, покрывших светлое имя Англии вечным позором. Но те, кто убил короля, придерживались высокого убеждения в своей правоте, в том, что они нанесли удар по тирании, который «будет жить и останется в истории как вечная слава Английского государства, которое не выбрало темный, сомнительный или обходной путь, а вышло на открытую и прямую дорогу Справедливости, Здравому смыслу, Закона и Религии».

Глава 2

Великий преступник

Ноябрь-декабрь 1648

I

Король Карл I отмечал свой 48-й день рождения в воскресенье 19 ноября 1648 г. в Ньюпорте на острове Уайт. Джеймс Ашер, архиепископ Армагский и примас всей Ирландии, был выбран, чтобы прочесть проповедь при дворе. Он смутил своих слушателей чрезмерным восхвалением святости и величия монаршей власти: «Король – не только славен, он – сама слава; не только могущественен, но и само могущество». 49-й год человеческого возраста, в который вступал его величество, у евреев считался юбилейным: «В сердце каждого верного королю человека должны быть желание и стремление молиться за то, чтобы у короля состоялся настоящий юбилей».

Король, олицетворявший славу и власть, был низкорослым, уставшим седоволосым мужчиной, который большую часть проповеди просидел, прикрыв ладонью лицо. Некоторые присутствовавшие думали, что он смущен преувеличенными выражениями Ашера, столь далекими от реального положения дел в этот день, 19 ноября 1648 г. Потерпев поражение в борьбе со своим парламентом, он был пленником в течение двух с половиной лет. Его неволя была почетной: с ним обращались согласно церемониалу, и у него был малый двор, но суровая реальность скорее завуалированной, нежели скрытой. Он лучше своих придворных знал о грозивших ему опасностях, и, когда прикрывал лицо во время проповеди Ашера, это, возможно, скрывало конфликт чувств, который в тот момент он не мог контролировать. Неведомо для присутствовавших за последние сорок восемь часов он – в одиночку и полностью осознавая происходящее – принял решение, которое подвергало его жизнь неотвратимой опасности.

Ирония судьбы вдохновляла его придворных проповедников в самые критические моменты его правления. Когда он взошел на трон, Джон Донн, настоятель собора Святого Павла, для своей первой проповеди молодому королю выбрал тему мученичества. На его коронации старый епископ Карлайлский построил свою проповедь на тексте «Будь верующим до самой смерти, и я воздам тебе корону жизни». Донн тоже неосознанно стал пророком: «Последнее, что завещал тебе Христос, была Его Кровь... не отказывайся идти к Нему тем же путем, если Его Величие потребует этой жертвы». Эта жертва теперь потребовалась, и король Карл сидел, прикрыв лицо рукой, в то время как Ашер превозносил его славу и желал ему отметить юбилей.

К этому времени он уже привык к несчастьям. За последние годы стал выглядеть старым и напряженным; его щеки обвисли, появились большие мешки под глазами, волосы и борода сильно поседели. Он постепенно лишался всего, что ценил больше всего, и людей, на которых больше всего рассчитывал. В дни своего процветания он свободно перемещался между полулюжиной огромных дворцов, увешанных гобеленами, заставленных шкафчиками с редкостями и украшенных величайшими полотнами Тициана, Мантеньи, Корреджо и Ван Дейка. Теперь его жилищем был частный дом верного ему дворянина сэра Вильяма Хопкинса в небольшом городке Ньюпорте, а его великолепный двор сократился до нескольких маленьких комнат и горстки слуг. Роскошь, которой он когда-то был окружен, исчезла; охота, которая была его главным развлечением, попала под запрет из-за опасения его побега; количество соколов, гончих, лошадей было сокращено до скромных потребностей и регламентированной жизни. У

него по-прежнему оставались его собаки – спаниель Шалун и любимая гончая Цыганка. По его словам, гончие любят своих хозяев так же, как и спаниели, «только не так льстят им».

Временами он играл в шары. Карл получал удовольствие от обсуждения серьезных вопросов со своими слугами. Он много читал – Библию, молитвенники, стихи Джорджа Герберта, *Faerie Queene* («Королева фей») Спенсера, переводы Тассо и Ариосто, листал страницы комментария иезуита Вильяльпандо к Книге пророка Иезекииля, возможно, не столько из-за их верноподданнического содержания, сколько из-за великолепных архитектурных вклеек, демонстрирующих концепцию Иерусалимского храма ученого иезуита – величественную классическую фантазию, которая повлияла на Иниго Джонса при проектировании Уайтхолла. Спасаясь от открывавшейся перед ним ужасной перспективы, король также обдумывал планы перестройки Уайтхолла, принесенные ему помощником Джонса Джоном Уэббом.

Король больше четырех лет не видел свою жену, которую сердечно любил; последние двенадцать месяцев он не видел никого из своих детей. В таких неподходящих условиях его настроение, всегда переменчивое, колебалось между смирением и иллюзорной надеждой. Он всегда любил интриги и без конца интриговал, и зачастую они отличались противоречащей себе сложностью. Он привык писать измененным почерком, посылать и получать зашифрованные письма, которые прятались в корзине для белья для стирки или засовывались в палец перчатки. Ему приходилось быть бдительным и настороже, не доверять незнакомцам, которые предлагали ему свои услуги, из страха, что это шпионы. По его словам, он мог оценить верность человека по тому, как тот целует его руку.

Тем временем простые люди, особенно женщины, тронутые его бедственным положением, находили способы проявить к нему свое благоговение. Молодая домохозяйка, сделав низкий реверанс, вложила в его руку самую красивую розу из своего сада. Сельские жители приводили к нему своих детей, чтобы он излечил их своим королевским прикосновением. Девочка, слепая на один глаз, на голову которой он возложил свою ладонь, закричала, что к ней вернулось зрение. Эксперименты со свечой показали, что действительно в какой-то степени так оно и было. Король сохранил свою обычную невозмутимость, но был заметно тронут этим эпизодом.

В то лето 1648 г. ряд восстаний роялистов, которые он сам отчасти и организовал, были одно за другим подавлены. Главнокомандующий парламентской армией лорд Ферфакс расправился с восстаниями в Кенте и Эссексе, генерал-лейтенант Оливер Кромвель разбил роялистов в Уэльсе и их шотландских союзников на Севере. Король, ожидавший на острове Уайт вестей от своих друзей, стойчески воспринял известие об их поражениях, но не испытал угрызений совести из-за того, что снова вверг свою страну в войну и стал причиной смерти многих своих подданных. С его точки зрения, у него не было выбора: его долг состоял в том, чтобы вернуть себе любыми средствами утраченную им власть.

Разные интересы и разногласия сильно разделили его врагов. В то время к двум главным группировкам в парламенте применяли религиозные термины «пресвитерианцы» и «индепенденты». Пресвитерианцы были консервативными противниками короля, которые хотели вернуть короля на трон после передачи им парламенту контроля за вооруженными силами и реформирования церкви – упразднения епископов и очищения христианских обрядов. Во время войны многие из них надеялись на компромиссный мир. Индепенденты, как явствует из названия, верили в более широкую толерантность и всеобщую свободу для паствы избирать своих собственных священников и совершать богослужения по-своему, вне рамок древней приходской системы. С такими религиозными взглядами иногда, но не всегда, ассоциировались политические взгляды более авантюрного характера. Возглавляемые в палате общин сэром Генри Вейном и Оливером Кромвелем, когда тот не находился в войсках, индепенденты последовательно требовали энергичного ведения войны, а после ее завершения их парламентская фракция усилилась рядом армейских офицеров, которые заполнили места, освободив-

шиеся после изгнания из парламента роялистов. Они были парламентским меньшинством, но большим и опасным, потому что представляли интересы и мнения армии.

Вне парламента существовала третья группа – более целенаправленно организованная и уже имевшая черты современной политической партии. «Левеллеры», как их называли, вышли на первый план в рядах армии и лондонском Сити за последние три года. Их признанным лидером был Джон Лилберн – плодовитый и умеющий красиво говорить памфлетист, а их программа включала реформу избирательного права и правосудия, всеобщую свободу вероисповедания и упразднение церковной десятины.

Во время летних восстаний роялистов индипенденты в парламенте были слабы, потому что Кромвель и два десятка других военных-депутатов находились на войне. Так что пресвитерианцы восстановили свой контроль над палатой общин. Боясь фанатизма и неистовства армии, они приняли решение достичь соглашения с королем, пока у них есть такая власть, и противостоять армии по окончании боевых действий, заключив и уже подписав мирный договор. Сомнительно, чтобы такой план мог бы оказаться успешным, но, по крайней мере, был шанс, что это возможно и что король и пресвитерианский парламента, снова предложив народу надежду на мир и порядок, одержат победу над недовольством индипендентов и левеллеров и требованиями победоносной армии.

Такой договор нужно было заключать быстро, если его вообще удалось бы заключить, но к ноябрю 1648 г. король и парламента не пришли ни к какому соглашению. Парламентские уполномоченные жестко стояли на своих требованиях: король должен отказаться от своего древнего права командовать вооруженными силами королевства; отправить нескольких избранных из своих самых ярких сторонников в ссылку; подчиниться реформе церкви согласно парламентскому постановлению. Он со своей стороны не пожелал согласиться ни на один из этих пунктов и смотрел на договор исключительно как на средство возвращения себе своей личной свободы и тем самым свободы действий, которая ему была нужна для свержения одержавших над ним победу врагов. В письмах, которые он неофициально посылал своему старшему сыну, семнадцатилетнему юноше, нашедшему убежище в Нидерландах, он откровенно высказывал свое мнение, ни минуты не сомневаясь, что невозможность достигнуть соглашения на этот раз, как и во всех предыдущих случаях, была виной его противников, а не его самого.

Публично он дал слово, что не совершит побег во время ведения переговоров, но втайне продолжал строить – хоть и бесполезные – планы и проекты побега. Публично он негодовал, когда его обвиняли в том, что он побуждает ирландцев прийти к нему на помощь, утверждая, что это обвинение является намеренной попыткой «убедить наш народ в том, что пока мы с ним ведем переговоры о мире, то готовимся к войне другими силами». Но он тайно написал маркизу Ормонду, своему главному стороннику в Ирландии, убеждая его не прекращать усилий по оказанию ему помощи и уверяя, что он отвергнет любые условия, о которых состоится договоренность в Ньюпорте, как только у него появится возможность сделать это.

И все же он верил, что хочет мира, и как король и христианин делал все возможное, чтобы его добиться. По крайней мере, как-то во время переговоров один из его секретарей, преданный ему Филипп Уорвик, увидел, как он погрузился в отчаяние и скорбь, а его глаза наполнились слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.